

УДК: 811.161.1'23'37: 343.21

UDC: 811.161.1'23'37: 343.21

10.00.00 Филологические науки

Philology

ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ИСТОЧНИКОВ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ВОРОВСКОГО ЗАКОНА КАК ДИСКРЕТИЗИРОВАННОЙ СЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ МОДЕЛЕЙ ДИСКУРСИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

PROBLEMS OF ANALYSIS OF SOURCES AT RESEARCH ON THE MASTER FELONS' LAW AS A DISCRETIZED SEMIOTIC SYSTEM OF MODELS OF DISCOURSE BEHAVIOUR

Зубков Евгений Анатольевич

Zubkov Eugeniy Anatolievich

к.ф.н., доцент

Cand.Philol.Sci., Ph.D., Assistant Professor

v.zubkova@uprocza.pl

Jan Kochanowski University in Kielce, Poland

Университет Яна Кохановского, г. Кельце, Польша (Uniwersytet Jana Kochanowskiego w Kielcach, Instytut Filologii Obcych, ul. Świętokrzyska 21D, 25-406 Kielce, Polska)

Целью работы является показание проблем, с которыми сталкивается исследователь при анализе Воровского Закона. Воровской Закон рассматривается как синтез набора текстов, раскладываемых, в свою очередь, на наборы меньших текстов. Оригиналы этих текстов были написаны на разных языках, многие из них утрачены, а последующие переводы и компиляции еще больше затруднили анализ. Синтез этих текстов рассматривается через призму широкопонимаемой Каббалы, а основным принципом является эзотерический поиск «внутреннего смысла» в опоре на стереотипы и алгоритмы поведения в преступной деятельности. Ментальные пространства легальных религиозно-правовых систем при таком подходе дают референтное пространство Воровского Закона, из которого удаляются части этих ментальных пространств, противоречащие смыслу остальных частей. Кодифицирующими модулями Воровского Закона как антисистемы становятся не только слова, но и выражения, предложения, тексты, и даже наборы текстов, любые разноуровневые знаки при случайной и намеренной асимметрии плана выражения и плана содержания в скудных и иносказательных источниках. Анализ построен на синтезе концепций Л.Н. Гумилева, У. Эко, О.В. Лещака

The article aims to show the problems, which a researcher has to face during the analysis of the Thieves' Law. The Thieves Law is considered as a synthesis of texts that can be decomposed into subsets of smaller texts. The originals of such texts in various languages were lost, and their later translations and compilations made the analysis more difficult. The synthesis of such texts is viewed through the prism of generally understood Kabbalah, and the main principle is an esoteric search for the "inner sense" that is based on the algorithms and stereotypes in criminal activity. The mental spaces of legal law and religious systems give a reference space of the Thieves Law by such approach. The parts of such mental spaces contradictory to others are removed from this reference space. Not only words but also phrases, sentences, texts, and even sets of texts, any multilevel signs at accidental and planned asymmetry in form and essence become codifying elements in sources full of allegory and parable. The analysis is based on a synthesis of views by L.N. Gumilev, U. Eco, and O.V. Leszczak

Ключевые слова: ИНФОРМАЦИЯ, ВОРОВСКОЙ ЗАКОН, СИНТЕЗ, НАБОР ТЕКСТОВ

Keywords: INFORMATION, THIEVES' LAW, SYNTHESIS, SET OF TEXTS

Doi: 10.21515/1990-4665-126-011

В статье мы рассматриваем проблемы анализа источников, в которых содержится информация о Воровском Законе. Рассматривается языковой материал источников в уголовном дискурсе и об уголовном дискурсе,

понимаемом как «пространственно-временной и информационный континуум, который сосредотачивается вокруг текста (или набора текстов) в процессе его (их) создания или воспроизведения по определенным принципам лингвосемиотической системы (кода)» [9: 34]. Этим набором различных текстов является (Новый) Воровской Закон (такое название употребляется нами во избежание путаницы) как «синтез представлений о Старом римском праве до кодификации Юстиниана (Законы XII таблиц, Институции Гая, Салическая правда), Устной Традиции (с элементами Гемары и Каббалы), восточной ветви митраизма (Законы Ману и черный бон модифицированный тантраяной), Кодексе Хаммурапи и воззрениях иудео-христиан (есеев, мандеев, тибетских вариантов шиизма)» [5]. Воровской Закон является дискретной антисистемой, распространившейся не только на русскоязычном пространстве и менявшей названия и формы (но не суть) на протяжении веков. Для Старого Воровского Закона было характерно использование различной апокрифической литературы (не только христианской) и ношение ее с собой адептами дискретной антисистемы. К этому вопросу мы обращались ранее [6: 69-132]. Упоминания о ношении какой-то «книги» во второй половине XIX века отсутствуют.

1) Первой проблемой, с которой мы сталкиваемся при анализе Воровского Закона, являются «сведения источников». Выбор текстов Воровского Закона был исторически обусловлен мифоидеологическими представлениями об отмершей полужесткой (анти)системе «рахдонитов» (торговцев людьми). Эти мифоидеологические представления позволяют искривлять этническую доминанту мусульман, христиан и евреев, особенно при принятии идеи метемпсихозиса, изначально присутствовавшей в раннем христианстве [6: 87-102; 108-115; 316]. Взгляды на Хазарию и ее влияние на остальные колонии на Великом шелковом пути вызывают до сих пор дискуссию в узкой среде

специалистов, чему способствуют дальнейшие археологические раскопки (например Байкенд). Исследователи часто не решаются анализировать странные «сведения источников», как например Л.Н. Гумилев, который сообщает, что Ярослав, его сын Изяслав и внук Святополк II из-за нужды в деньгах покровительствовали киевской колонии немецких евреев, отнимавших «промыслы» христианских купцов и ремесленников и «имевших великую свободу и власть». Однако Лев Николаевич отказывается интерпретировать следующую цитату из «Истории Российской» В.Н. Татищева: «евреи многих прельстили в их закон» – «как интерпретировать это сведение неясно» [2: 295]. И это несмотря на то, что в своей работе он особое внимание посвящает «фактору международной торговли, без которого история не только Хазарии, но и всего мира непонята» [Там же: 295], различным антисистемам, принципу «батина» (батин аль-фалак Небесной эзотерики), караимам и «рахдонитам». Странность неприятия во внимание необходимой ориентации на религиозно-правовые системы на Великом шелковом пути у «рахдонитов» (т.е. упомянутые интегральные части Воровского Закона) несколько удивляет. Мы считаем, что речь в «Истории Российской» могла идти не о принятии талмудического иудаизма, а о принятии «торгового кодекса» «рахдонитов» и участии в работоторговле единоверцами. В пользу такого предположения свидетельствует интерпретация восьмой заповеди Декалога согласно Торе (и Воровскому Закону) – «Не кради людей!» [6:218]. Если рассматривать цитату, которую отказывается интерпретировать Л.Н. Гумилев, как намек, то такой намек имел бы форму предложения. Однако на основе только одной цитаты мы не имеем права делать выводы – работы исследователя всегда содержат огромное количество информации и ссылок на источники, и это могло быть причиной.

Приведем еще один пример, имеющий непосредственное отношение к чисто лингвистическому анализу «сведений источников». Б.А. Ларин упоминает об очень древних связях разнотерриториальных арго и как одно из доказательств приводит сравнительно-историческое исследование слова «галах» как «босьяк», прослеживает древнееврейскую этимологию («брить»), приводит ссылку на *Liber Vagatorum*, указывает на значение слова как «бродяга, прикидывающийся священником» и датирует заимствование XV-XVI веками: «откуда и понятно русское босьяк» [8]. На первый взгляд как раз непонятно, как в XV-XVI веках бритый под католического священника «бродяга» обманывал бы доверчивых русских крестьян чтением Апокалипсиса от Иоанна или иной молитвы, и какое это имеет отношение к «древнееврейской этимологии» и «знакомому Библейскому названию». Разумеется, анализ немецкого воровского арго упоминаемого выше периода и *Liber Vagatorum* даст отнесение к «rot boß» (пристанище для нищих) и «красному» для самоназывания в преступной деятельности [6:118-119]. Принимая во внимание датировку исследования (1931г.), становится понятным вывод «откуда и понятно русское босьяк». По нашему мнению, часть исследования была убрана из статьи самим Б.А. Лариным. Для исследователей арго, намек мог быть оставлен в термине «Rotwelsch» (нем. -welsch – латинский, романский) и «знакомом Библейском названии» (Галаха). Если так, то намек имел формы слова и словосочетания. Учитывая логические пропуски этапов исследования, мы имеем дело с намеком. Иными словами, позднейшие исследователи арго должны бы были совершить те же мыслительные операции, что и Б.А. Ларин, чтобы получить подобные выводы, или же, для ускорения процесса, просто «принять на веру» полученные результаты при наличии «воли к вере» (как у адептов дискретной антисистемы).

Начиная с XVII века встречаются упоминания в источниках о реформировании Воровского Закона, причем исследователи, из-за

применяемой методологии, пытаются усмотреть в таких реформах введение и исключение новых слов: «[...] в Румынии возник новый тюремный жаргон [...] в связи с усилением действий полиции, преступники создали в одной из тюрем специальную комиссию, которая должна была создать специальный условный язык. В состав комиссии были выбраны преступники различных национальностей – румыны, венгры, евреи, русские. Можно предполагать, что речь шла о введении слов иностранного происхождения, что являлось постоянной процедурой во всех условных жаргонах [...] Анекдот о создании румынского жаргона [...]» [1: 235]. В цитате Б. Геремек самостоятельно называет жаргон «румынским», хотя мы бы предполагали недослышку первоисточника [11: 100] и, как следствие, «романский». При ссылке на работу на французском языке Б. Геремек забывает упомянуть о чехах и о том, что событие имело место в Румынской Молдавии [Там же]. Более того, словоупотребление «анекдот» показывает отношение к цитируемому источнику.

Заметим, что распространение дискретной антисистемы, известной как (Воровской) Закон на русскоязычном пространстве, по территории бывшего Великого шелкового пути, уже должно направить исследования по аргю **не на слова** в «воровских жаргонах» (адепты исследуемой дискретной антисистемы самоназвание «вор» приняли в первой половине XX века), а на зависимости иного порядка – «характеристики связей»/ «функции» и эзотерику Аргю (Воровского Закона) **как семиотическую систему моделей дискурсного поведения.**

Б. Геремек, как и Б.А. Ларин, связывает аргю с эзотерическим знанием, но, в отличие от Б.А. Ларина, ясно не намекает, каким именно: «Среда гуманистов восторженно интересовалась gergo (аргю) как одной из ветвей эзотерического знания. Жаргон таким образом входил в литературу, становился предметом языковой игры. В литературных кругах, связанных с двором Медичи, возникали стихи и письма на жаргоне, курсировали

словари и трактаты, представляющие как жаргон, так и маргинальные группы общества, которые на нем общались» [1: 227]. Восприятие арго как «ветви эзотерического знания» встречается и в современных исследованиях с цитированием более ранних источников и отсутствием уточнения, в чем такая эзотерика заключается. Адекватный анализ «сведений источников», в том числе литературных, мог бы не только показать, в чем заключается эзотерика арго, но также процесс и причины смены названия исследуемой нами дискретной антисистемы на **Воровской Закон** в 20-х годах прошлого века вместо **Закон** [7].

2) Проблема «сведений источников» вызвана сутью и принципами действия Воровского Закона как «криптосистемы с открытым ключом». В основу Воровского Закона был положен тот же принцип группировки текстов, который мы наблюдаем в христианстве, иудаизме и иных религиозных системах: группа текстов объявляется священной, особенно в случае отсутствия или недоступности оригинала, тексты интерпретируются на основе каббалистического принципа «батина», т.е. поисков внутреннего смысла. Заметим, тексты из этой группы на разных языках, и поиск «слов воровского жаргона» не всегда принесет ожидаемые результаты. При создании Воровского Закона принимался во внимание «[...] известный феномен в идиш, когда целые цитаты и выражения из Священного писания, и особенно из Талмуда использовались не только в ученой богословской беседе, но и иронически-издевательски, даже в качестве грубой матерной брани. Одним и тем же библейским выражением можно благословить, высмеять и выбранить» [3]. В отличие от омофонических кодов замены с ограниченным развертыванием «массива» (т.е. набора условных лексических единиц), процесс создания и воспроизведения набора текстов исследуемой антисистемы основан на неограниченном развертывании «массива» с целью сокрытия передаваемой информации. Кодирование изначально заложено разностью

используемых в текстах языков и отсутствием оригиналов ряда текстов (что усиливает мифоидеологию), кодирующими элементами становятся не только слова, но и выражения, предложения, и даже тексты. Основой для создания Воровского Закона послужили наборы ментальных моделей (стереотипов и алгоритмов поведения) преступной деятельности в различных временных отрезках, собираемых и кодифицируемых в течение нескольких веков, вплоть до появления во второй половине XIX века стройной концепции исследуемой дискретной антисистемы (Воровской Идеи). Под влиянием изменений в системе дискретная антисистема в 20-х годах прошлого века получила название Воровского Закона [7].

Говоря о легальных религиозно-правовых системах, составляющих Воровской Закон, мы должны учитывать, что они, в свою очередь, являются синтезом ряда более ранних религиозно-правовых систем. Но это должны учитывать исследователи с точки зрения науки. И здесь возникает основная проблема, т.е. разделение веры и разума (постулат Альберта Великого, развитый Фомой Аквинским). Для адептов дискретной антисистемы эта проблема не существует при «воли к вере», а для исследователей она как раз начинается, поскольку необходима крайняя осторожность в высказываниях и точность исследования, а также возможность обоснования своих слов. Например, Кодекс Хаммурапи и воззрения иудео-христиан являются хронологически (с точки зрения науки) позднейшими добавлениями к Воровскому Закону. Это вызывает непонимание адептов дискретной антисистемы и приводит к требованию обосновать свои слова. Исследователи и адепты придут к общему знаменателю, установив наличие принципа «око за око» (т.е. определенной модели) и возможности его отнесения к исследуемой семиотической системе моделей дискурсного поведения. Дискуссия относительно Элоим, Энсоф, Зервана, или просто «сохранения памяти души в бесконечном времени» совершенно непродуктивна с любой точки зрения, что вызвано

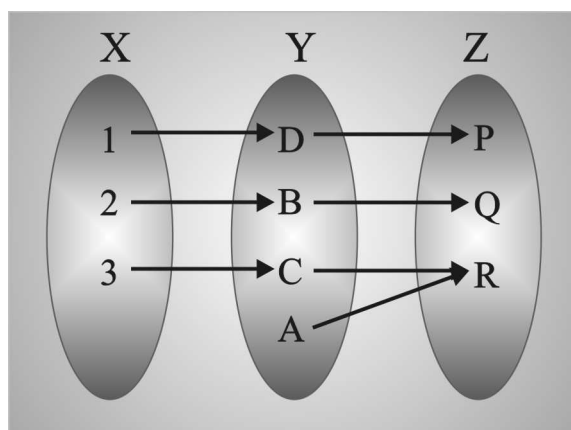
не религиозной индифферентностью, а веротерпимостью с опорой на инстинкт самосохранения (как у «рахдонитов»). Как пример, возьмем пробу дискуссии о Боге в научной среде. Еще более ярким примером были бы поиск и дискуссия относительно «укрытого смысла» в Библии в среде верующих христиан (опять же вопрос, какого исповедания). Такой поиск «укрытого смысла» имеет название – Каббала.

Говоря о широкопонимаемой Каббале как одной из составляющих Воровского Закона, мы не имеем в виду талмудический термин для обозначения частей Библии, не входящих в Пятикнижие, а в послеталмудическую эпоху – Устного Закона, а о смысле словупотребления еврейскими мистиками для подчеркивания преемственной связи их учения с эзотерической мудростью прошлого, «[...] завещанном ангельскими пращурами (падшими ангелами) сокровенном знании о мире и человеке, иносказательно зашифрованном [...] в доступном лишь посвященным подтексте, точнее параллельном тексте бытия» [12: 162]. Разумеется, основополагающие идеи такого «сокровенного знания» могли в течение долгого времени передаваться из рода в род, отшлифовываясь и совершенствуясь внутри узкого круга сектантов, пока все учение не было собрано и записано, а из наиболее древних кабалистических книг до нас дошли лишь «Сефер Йецира» (Книга творения) и более поздняя «Зо(г)ар» (Сияние) [Там же: 162-163]. Такой поиск утраченного «сокровенного знания» привел, например, к принятию Кодекса Хаммурапи после его расшифровки как одной из составляющих (Нового) Воровского Закона. Был замечен ряд ментальных моделей дискурсивного поведения (стереотипов и алгоритмов поведения), в большой степени совпадающих с уже имеющимся синтезом текстов.

Для исследователя, в синтезе текстов наблюдается еще один синтез текстов, что вызывает явную асимметрию в плане выражения и плане содержания рассматриваемых «сведений источников», т.е. информации.

Слово «синтез» может иметь различные смыслы в зависимости от словоупотребления, мы сочли функциональным применение терминов «референтное пространство» и «ментальное пространство», соответствующие целям лингвистического исследования.

При анализе Воровского Закона особую трудность с точки зрения применения современных средств (в том числе компьютеров) представляет т.н. биективная функция, которая показана в упрощении ниже на рисунке 1:

На основе модели для анализа Воровского Закона (дискретной антисистемы), мы можем предложить схему на рис 1. Плоскость X обозначает легальные религиозно-правовые системы на разных языках, в том числе мертвых, где ряд текстов утерян, а по остальным ведется дискуссия. В плоскости Y подразумевается добавление A (множество с дополнительной структурой) – широкопонимаемой Каббалы на основе принципа «батина» как поиска утраченного «сокровенного знания» с интерпретацией «сведений источников» на основе интенциональности сознания. Под источниками в плоскости Y понимаются различные тексты о религиозно-правовых системах из плоскости X на любом из доступных адепту дискретной антисистемы языков. В плоскости Z мы получаем совершенно иные величины и референтное пространство Воровского Закона. Из этого референтного пространства как семиотической системы моделей дискурсного поведения удаляются части (ментальные модели,

выражаемые в стереотипах и алгоритмах поведения) легальных религиозно-правовых систем. Принцип удаления основан на противоречии смыслу имеющих частей с точки зрения количественного фактора.

С точки зрения филологических наук, ментальные пространства понимаются согласно функциональному прагматизму как «мета- или макрофреймы, когнитивные сценарии» [10: 259]. «Каждое ментальное пространство описывает свою собственную реальность – реальность человеческого представления, будь то воспоминание о прошлом, мечты о будущем, реконструкция исторической эпохи или образ самого себя» [13: 21, 22]. О. В. Лещак указывает на то, что «в долговременной памяти человека может храниться информация о некоторых событиях в виде более или менее упорядоченной последовательности данных, фактов, запомнившихся ситуаций, поступков, картин. При этом подчас неважно, по какому каналу данная информация поступила в память: сенсорному, вербальному или же она в принципе была порождена воображением» [10: 309]. В.И. Заика рассматривает ментальные пространства как «[...] системы представлений, которые строятся и корректируются на основе житейских и научных фактов. [...] ментальные пространства (как и в целом опыт) изменяемы, причем изменяются они не только в результате повторного восприятия собственно вербальных текстов, но и в результате восприятия чужих 'прочтений': кино- и телеверсий, спектаклей, пересказов и проч. [...]» [4: 28-29]. Кроме того, В. И. Заика упоминал о том, что «[...] референтное пространство подобно когнитивному сценарию, по которому можно рассказать о плане содержания, включая и состояние воспринимающего, переживающего этот план содержания как совокупность образов в последовательном осмысленном восприятии текста. Референтное пространство – динамический участок ментального пространства, оно создается на базе опыта, ментального пространства, на поле литературы, более личностно, чем содержание, важнейшим

'скрепляющим' референтное пространство элементом является неявное знание» [4: 315]. Более того, «всякий читатель сможет отыскать в референтных пространствах информацию, не обусловленную непосредственно текстом. Включение в референтное пространство в качестве референта себя-читателя напоминает прием металеписис [...] Мощный эффект интертекстуальности состоит в том, что ссылка обращает нас не только к собственно тексту, его плану содержания и плану выражения, ссылка относит нас к референтному пространству, в котором есть Я-читающий. И активизируется не текст, а референтное пространство, в котором существенна память об обстоятельствах восприятия текста. К ним относятся и эмоции по поводу текста, и оценка этого текста, и, возможно, обстоятельства места и времени. Главное богатство опыта не знание последовательности знаков, а память о том, как читалось, память впечатлений [...]» [4: 305-306].

Исследователям Воровского Закона недоступен упоминаемый выше металеписис, как и ряд иных особенностей в цитате выше, поскольку, что закономерно, это в научных исследованиях показано. Адепт дискретной антисистемы на основе «воли к вере» пропускает промежуточные стадии в умозаключениях и получает информацию, не обусловленную непосредственно текстом. Для исследователя, даже при наличии адекватной модели, подобный подход недопустим, поскольку обязывает необходимость верификации полученных данных различными способами. Воровской Закон как дискретная антисистема перестает быть таковой, а становится **дискретизированной семиотической системой без права «воли к вере»**, лишь на предположение или гипотезу. Более того, исследования, если брать за пример модель на рис. 1, сосредотачиваются преимущественно в плоскости Y зачастую без учета A как множества с дополнительной структурой (Каббалы). Если проводятся диахронические исследования легальных религиозно-правовых систем, являющихся

интегральными частями Воровского Закона, т.е. отношения плоскостей X и Y, то даже при учете A исследователи не входят в плоскость Z, т.е. референтное пространство Воровского Закона. Из этого следует **необходимость выделения второй проблемы, т.е. интердисциплинарности исследований.** Никто не вправе ожидать, что арготолог будет заниматься изысканиями в области сразу нескольких мертвых языков и в свободное время анализировать стереотипы и алгоритмы поведения лиц, активно вовлеченных в преступную деятельность, в натуре или специальной литературе.

Сделаем обобщающие выводы и укажем на основные проблемы при исследовании Воровского Закона (по мере возрастания):

1. Процесс передачи информации в дискретной антисистеме значительно отличается от обычных омофонических кодов замены. При исследовании Воровского Закона важным является не исследование слов в «сведениях источников» (зачастую скудных и противоречивых), а ментальных моделей (стереотипов и алгоритмов поведения) лиц, активно вовлеченных в преступную деятельность.

2. Отсутствие необходимого инструментария вызвано не столько незнанием преступной деятельности как таковой и попытками применения собственной системы ценностей, сколько отсутствием интердисциплинарности исследований, которая исходит из зависимостей высшего порядка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Geremek B., O średniowieczu. Warszawa: Instytut Historii PAN 2012 – 814с.
2. Гумилев Л.Н., Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль 1989 – 765 с.
3. (Дорфман М.Б.) Михаэль Д., Язык раввинов и воров Хохумлойшен [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.berkovich-zametki.com/Nomer23/Michael1.htm> [Доступ 8.01. 2013].
4. Заика В.И., Очерки по теории художественной речи. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2006. – 407 с.

5. Зубков Е.А., Влияние иерархии ценностей в преступной деятельности на поведение индивида // Вестник Новгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки, № 83. Великий Новгород, 2014. С. 68-73.

6. Зубков Е.А., Иносказание в русском уголовном дискурсе. «Масти», «Понятия», «Воровской Закон». Kielce: Wyd. Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2014. – 396 с.

7. Зубков Е.А., Упоминания о «Воровском Законе» и выражение ментальных моделей в романе «Золотой теленок» // Studia Methodologica. Выпуск 43. – Тернополь, 2016. – С. 53-62.

8. Ларин Б.А., Западноевропейские элементы русского воровского аргю. Язык и литература. Л. (СПб.) 1931. Т. 7, с. 113-130 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/larin-31.htm> [Доступ 28.01.2017].

9. Leszczak, O., Lingwosemiotyka kultury. Funkcjonalno-pragmatyczna teoria dyskursu. Toruń: Wyd. Adam Marszałek 2010. – 415 с.

10. Лещак, О. Языковая деятельность. Основы функциональной методологии лингвистики. Тернополь : Пудручники і посібники, 1996. –445 с.

11. Niceforo A., Le génie de l'argot. Paris 1912 [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://ia800303.us.archive.org/20/items/legniedelargot00niceuoft/legniedelargot00niceuoft.pdf> [Доступ 28.01.2017].

12. Парнов Е., Трон Люцифера. Критические очерки магии и оккультизма. М.: Издательство политической литературы 1985. –301 с.

13. Петренко, В. Ф., Психосемантика сознания. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 208 с.

REFERENCES

1. Geremek B., O średniowieczu. Warszawa: Instytut Historii PAN 2012. 814 s.
 2. Gumilev L.N., Drevnjaja Rus' i Velikaja step'. M.: Mysl' 1989 – 765 s.
 3. Dorfman M.B.) Mihajel' D., Jazyk ravvinov i vorov Hohumlojshen [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.berkovich-zametki.com/Nomer23/Michael1.htm> [Dostup 8.01. 2013].

4. Zaika V.I., Oчерki po teorii hudozhestvennoj rechi. Velikij Novgorod: NovGU im. Jaroslava Mudrogo, 2006. – 407 s.

5. Zubkov E.A., Vlijanie ierarhii cennostej v prestupnoj dejatel'nosti na povedenie individa // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Gumanitarne nauki, № 83. Velikij Novgorod, 2014. S. 68-73.

6. Zubkov E.A., Inoskazanije v russkom ugolovnom diskurse. «Masti», «Ponjatija», «Vorovskoj Zakon». Kielce: Wyd. Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2014.–396 s.

7. Zubkov E.A., Upominanija o «Vorovskom Zakone» i vyrazhenie mental'nyh modelej v romane «Zolotoj telenok» // Studia Methodologica. Vypusk 43. – Ternopol', 2016. – S. 53-62.

8. Larin B.A., Zapadnoevropejskie jelementy russkogo vorovskogo argo. Jazyk i literatura. L. (SPb.) 1931. T. 7, s. 113-130 [Jelektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://www.philology.ru/linguistics2/larin-31.htm> [Dostup 28.01.2017].

9. Leszczak, O., Lingwosemiotyka kultury. Funkcjonalno-pragmatyczna teoria dyskursu. Toruń: Wyd. Adam Marszałek 2010. – 415 s.

10. Leshhak, O. Jazykovaja dejatel'nost'. Osnovy funkcional'noj metodologii lingvistiki. Ternopol' : Pudruchniki i posibniki, 1996. – 445 s.

11. Niceforo A., *Le génie de l'argot*. Paris 1912 [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://ia800303.us.archive.org/20/items/legniedelargot00niceuoft/legniedelargot00niceuoft.pdf> [Dostup 28.01.2017].

12. Parnov E., *Tron Ljucifera. Kriticheskie ocherki magii i okkul'tizma*. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury 1985. –301 s.

13. Petrenko, V. F., *Psihosemantika soznaniya*. M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1988. – 208 s.